

Медведь

Стояла себе в поле, возле лесочка, одна козачья пасека. Да вы, пожалуй, все знаете, что такое пасека. Может, иной раз туда и за медом хаживали, так что вам пчелы... а то, чего доброго, и медком там лакомились?

Была эта пасека огорожена плетнем из лозы, и оплел им козак целых семь высоких, старых, кряжистых дубов и восьмую — ветвистую вербу.

Кто бывало ни увидит вербу, всякий спросит, как это выросла она здесь одна, среди величавых дубов, прямая да веселая. А верба каждую весну показывала, что хотя она здесь среди дубов и одна, а расти ей тут все же вольготно — росла она быстро и догоняла козачьего внука Михайла.

Я говорю Михайло потому, что он не любит, если кто окликнет его «Михалко», и он делает вид, что, дескать, не слышит, хоть зови его десять раз; а если позвать «Михайло», он мигом окажется тут как тут перед вами в белой рубашке с широкими рукавами, в необъятных своих шароварах, в красном поясе — том самом поясе, который он сам купил себе на ярмарке в самом Кролевце. Тогда же купил он себе и сапоги с красными отворотами, и ту черную шапку, которую так любит и частенько надевает, а когда он ее наденет, дед смеется и говорит: «Гляди,

Михайло, гляди! Разнесут твою славную шапку лакомые пчелы на мед!»

Белесенькая, русявенькая босоножка, маленькая сестричка Михайла Мелася как услышит, что дед говорит это и посмеивается, тотчас и сама начнет его поддразнивать. Да только Михайло на эти насмешки вниманья не обращает, надвинет черную шапку на черные брови и похаживает в сторонке, как гетман перед вражьем войском.

Так вот, говорю вам, если позвать его вежливенько «Михайло», он вмиг окажется перед вами и, встряхивая своими темнорусыми волосами и поглядывая добрым взглядом, спросит как ни в чем не бывало: «Что вам надо?» И если вам нужен дед, он сразу же побежит и приведет с пасеки старика, а если вам нужна сестричка Мелася, он примчит и Меласю-сестричку. Подчас Мелася застыдится и спрячется в траве или за ульем — ведь Мелася-то маленькая, вся с ноготок, ей легко всюду спрятаться, а к тому же она думает, что если закроет хотя бы один глазок (обоих она ни за что на свете не закроет — ей хочется все видеть) — если закроет хотя бы один глазок, то ее никто, мол, не найдет; а Михайло ее все-таки отыщет, и если не уговорит идти по доброй воле — Мелася своевольница, — то он схватит ее и живо-преживо принесет смеясь, хотя Мелася, может, и ущипнет его по дороге... Да как же и не ущипнуть? Одна милая, тихая девочка укусила меня раз до крови, когда я взяла ее насильно на руки...

Кусаться, конечно, негоже, что и говорить, негоже, да и силою принуждать тоже не годится. Не стал бы и Михайло обижать сестричку, если бы она и вправду сердилась. Нет, Мелася не от злости так или этак оборонялась, а лишь от застенчивости — потому что Мелася была страх как застенчива; и чуть увидит где чужого человека, то не только личико, а кажется, и маленькие ножки у нее покраснеют убегаючи. И вам самим станет тогда невдомек: что же от вас убежало? То ли зайчишка вспрыгнул, то ли вспорхнула пташка, то ли исчезла маленькая девочка — вы и сами не можете этого ни понять, ни людям рассказать толком. А послушали бы вы, как Мелася вас описывает, и одежду вашу, и походку, и вид! Она успела уже вас и увидеть и разглядеть и так это опишет вас словами, что когда вы снова войдете в хату, то

вас тотчас же узнают: «А-а, это вот тот добродий или добродийка, о которых Мелася сказывала!»

Так вот, хоть это и трудно, как вы сами видите, а все же я советую вам с Меласей познакомиться — она ведь девочка умная и много чего знает и такая уж ласковая, что и вас кое-чему научит.

Какие славные песни она распевает! Какие забавные сказочки умеет рассказывать! И не то что дорогу в Киев — знает даже, как и до Херсона добраться.

Так вот старый козак — звали его Загайный, — сделал огорожу, расставил множество ульев — было их там что снопов на поле; и уж не скажу я, пожалуй, сколько их там теперь у него, — должно быть, много-премного, потому что рой там роились на славу, чтоб не сглазить чего доброго, прекрасно роились они. Бывало только и слышишь: «Рой! Летит! С поля! Из лесу!»

И вот Михайло вскрикнет: «Рой!», а Мелася за ним как в звоночки вызванивает: «Рой-рой!» То опять частит Мелася: «Летит-летит-летит-летит!», а Михайло бежит проверять — правда ли это.

А то дед, плетя кошелку, словно учуёт, что рой летит, и идет его накрывать...

Страх сколько было дела и хлопот на пасеке! В уголке поставил дед из лозы шалашик. Михайло красиво покрыл его соломой, а Мелася подмела у дверей и сказала: «Вот теперь-то уже совсем готово!»

Дед насадил на пасеке и калину, и бузину, и мальва была, похожая на Михайла, а Мелася насеяла всякой всячины — и все это принялось, взошло и зацвело, не похожее одно на другое и перемешанное одно с другим, словно люди в какой-нибудь праздник, на удивленье Меласи, которая сеяла будто все по отдельности, ряд за рядочком, а взошла этакая мешанина!

Михайло, слушая эти сестричкины слова, помалкивает, он не хочет спорить с маленькой девочкой — помалкивает да только посматривает, как мальва покачивается на стебле, будто спрашивает: и чего это так подкатился к ней, красавице, низенький «петушок»? А низенький «петушок», не слушая расспросов, выбрасывает цветочек не по своим «петушиным» силам, отбившись от своего семейства, от других «петушков», которых заслонили задиры-купавки. Широколистый любисток побратался здесь с горсткой

конопли, а конопля, в свой черед, забралась в купу махровых маков, а маки залезли в мышиный горошек, и всюду торчат ржаные колоски — где один, где два, а где и целая семейка, и уж где семейка, то тут же за ней потянулся и красный куколь и синие васильки.

Мало ли разных трав, никем не сеянных, не прошенных и никому не нужных забралось на дедову пасеку! И надо всем летают, гудят пчелы. Славно на этой пасеке! Дышать не надышишься! Легко и привольно! Куда ни глянешь — кругом широкие, чистые поля, а на полях дубы, дуб поодаль от дуба, как шатры, раскинутые от солнца.

В село вьется дорога, а самого села за крутым курганом не видать — только виднеется на востоке могучая темная дубрава...

Славно было жить летом на пасеке Михайлу вместе с дедом. И маленькая Мелася, оставив мать со старшей сестрой домовничать, тоже прибежала к бабушке и хозяйничала у него на пасеке: распевала песни, ходила в поле собирать землянику, разбила два горшочка и одну мисочку и тоже присматривала за пчелами, да так, что иные, по незнакомству с ней, жалили ее и делали подчас из ее миленького личика невесть что. С одной стороны посмотришь — Мелася: ее щечка, глазик ее, а глянешь с другой стороны — прямо пузырь какой-то...

Поднималась Мелася раньше всех, а ложилась позже всех, потому что, за хлопотами по хозяйству бабушки, дела у нее, как сказано уже вам, было ой-ой-ой!

Однажды вечером лежал Михайло, утомившись, в траве на пасеке и смотрел на небо. Звезды уже взошли, и тонюсенький серпик молодого месяца блистал над дубом, словно зацепившись за кудрявую веточку. Мелася, тоже утомившись, лежала и ворочалась с боку на бок, спрашивая сквозь дрему: и чего это дед не вернулся до сих пор домой? А дед все не идет и не идет — и вдали не видать.

Ушел дед в тот вечер на село и чего-то долго замешкался. Уже глухая ночь, загорелись звезды, высоко поднялся месяц, Михайло уснул, а деда все нет. И не слышно — все тихо!

И вдруг со стороны леса загудела земля, и что-то тяжелое стало приближаться к пасеке. Такое тяжелое, такое тяжелое, такое тяжелое, что и на весах не взвесить!

Вот оно! Вот оно! Повалило плетень, пробирается между ульями, валит их, топчет цветы, ломает мальву и калину, и крепкий дуб трянуло мимоходом. Боже ты мой!

Что же вы думаете? Страшный-престрашный, мохнатый, огромный медведь пожаловал!

Что тут делать Меласе? Дрема отлетела, как вспугнутая птица, и ручки сцепились в ужасе и страхе. Страшный-престрашный гость!

Нету спасенья! Братец мой милый Михайло! Как тебя спасти?

Михайло спал сладким сном возле самого шалаша, у дверей. И вдруг слышит он, слышит — трепещущие маленькие ручонки обвились вокруг его шеи, словно цепкая веточка хмеля, и голосок шепчет:

— Братец! Братец!

— А что?—спросил Михайло, не открывая сонных глаз.

— Иди, иди сюда, братец! О, иди же скорей, скорее в шалаш! Мне здесь одной страшно... Иди, братец, иди!..

И маленькие ручки тащили его, сонного, изо всех своих маленьких сил, и капали горькие слезы на него от страха и ужаса, и маленькое сердечко колотилось возле него так преданно и так искренне, что он, сонный, сделал два шага к шалашу, но снова опустился наземь, объятый сном. Он не слышал, как трепетные ручонки напрасно мучились, стараясь его приподнять, и не слышал тихого и горького плача.

А медведь, словно хозяин, похаживает да поглядывает, где тут улей получше, где мед послаще. И чуть попался ему такой улей на глаза, он мигом мохнатую лапу туда и начинает выдирать соты и лакомиться.

О боже, боже! Если бы Михайло спал, если бы только он не проснулся! Если бы! Что будет, если он вдруг проснется? Он не послушает ее, маленькую, и пойдет на медведя. Боже! Боже!

Вот-вот медведь ее съест — вот сейчас! А будет ли он ею сыт? Хотя бы только насытился и не тронул братца!.. Что ж, пускай медведь ее съест, лишь бы братца не тронул. Маленькие ручонки цеплялись за братца сильнее и сильнее, и слезы катились ручьем.

А страшный, лохматый лакомка уплетает себе да уплетает мед потихоньку и помаленьку; глянет иной раз на серп месяца в вышине, как бы говоря: «Ты, серпик, хоро-

шо мне светишь!» То вдруг словно прислушается: «Кажется, тут где-то девочка плачет...»

Ой, беда! Как же не разорвалось на части маленькое сердечко, стуча так быстро и долго!

Вдруг медведь кашлянул — вот-вот зарычит!.. Нет! Он повалился наземь и давай кататься и валяться по траве, беспечный мохнач!

Тогда маленькие ручонки вцепились в сонного брата, чуть не сломались, но подтащили его немного, втокнули в шалаш и заперли там.

— Что такое? Что такое? — вскрикнул наш козак проснувшись; он немного испугался и начал дергать дверь. — Да отворите же! Что такое?

— Милый братец, ничего, это я, это я! — отвечал ему голосочек.

— Открой же, Мелася! — воскликнул снова Михайло. — Не то я дверь сломаю!

И опять дергает дверь.

— Братец, — говорит Мелася, — братец!

И оглядывается вокруг и видит: медведь поднялся и прислушивается, будто ждет ее. Вот он как будто засмеялся и щелкнул белыми зубами...

— Пусти, пусти, Мелася! — кричит Михайло.

И дверь отскочила, а малютка упала, как снопик, а медведь щелкнул опять белыми зубами...

И вдруг раздался крик такой громкий, и звонкий, и тонкий, что Михайло отпрянул назад, а медведь со всех ног помчался в сторону леса, подминая под себя землю...

И когда Михайло опомнился и поднял маленькую сестричку и расспросил ее, уже никого не было ни видно, ни слышно, и они напрасно настораживали уши и, затаив дыхание, прислушивались, сидя рядышком. Было все тихо. Светил месяц, сияли звезды.

— Так расскажи мне, Мелася, расскажи мне все-все, как было, — говорил Михайло сестричке.

— Нет, нет! О-о, еще нет, нет! Еще боюсь! — отвечала Мелася.

— Какая же ты пугливая, Мелася! — говорит, улыбаясь, Михайло.

— Ой-ой! Ой-ой! — отвечает Мелася и прижимается к нему все ближе и теснее, как к сокровищу драгоценному, спасенному и найденному.

Месяц светил уже еле-еле, звезды чуть приметно мерцали, когда услышали они козацкую песню, похожую на надтреснутый колокольчик или порванную струну, и увидели вдали человеческую фигуру. Это шел дед и напевал песню. Они бросились к нему навстречу, а он смеется, да и говорит:

— Ну что, детки, соскучились, небось, без старого дед, а? Нельзя мне было вернуться раньше, никак нельзя! Встретил я старого товарища и позамешкался...

И дед затянул опять козацкую песню:

Як були ми, козаки, на морі,
Як були ми, козаки, на роздолі,
Унадились ми, козаки, до невірного турка.

Идя и медленно покачивая головой справа налево, надтреснутым голосом он снаряжал козаков то в море, то на раздолье, то к турку неверному.

— Дед! Дед! — говорит Мелася. — А у нас медведь был.

— Вот, дед, — говорит Михайло, — а Мелася-то уверяет, будто у нас на пасеке медведь был... Я спал крепким сном, когда она меня схватила, втолкнула в шалаш, заперла и перепугала. Я кричу: «Выпусти!» — не выпускает. Пришлось выломать дверь. Выскочил я, а она как вскрикнет, как завизжит, аж в глазах зарябило, словно в ухо кто выстрелил. Очнулся я — вижу, лежит она у моих ног, никого нет, улы перевернуты, трава примята, кусты поломаны... Она говорит, клянется, будто медведь был.

Дед поначалу все напевал и улыбался, а как дело дошло до того, что и «улы перевернуты, кусты поломаны», он сказал «Ай-ай» и ускорил шаги.

— А чтоб тебе ввек меду не пробовать, злой ты мохнач! — бранился дед, подымая и ставя улы на место. — Вишь, какой беды да убытков наделал!

А Михайло, помогая деду, советовал на будущее завести хорошее ружье и в мыслях уже с великой радостью целился в страшного медведя. А маленькая Мелася, идя следом за ними, рассказывала уже в десятый раз, как медведь ломал и валил улы, как катался он по траве и шелкал белыми зубами, как уплетал мед и как подходил все ближе и ближе... И у Меласи при этом блестели гла-

зенки и сияли ярче звездочек в небе, блеск которых все угасал и угасал — уже быстро начинало светать, розовая полоска зажглась на востоке.

— Ну и Мелася! Вот дивчина так дивчина, прямо на диво! — говорил, улыбаясь, дед и поглядывал на сияющее, осунувшееся личико. — Ничего, что с личика спала, а зато истинная козачка! Да разве ж не диво, что такая крошка, а хотела защитить и спасти брата от медвежьих зубов? Разве не диво, что такая слабенькая, а прогнала и напугала страшного медведя?

Но первое Меласе нисколько не казалось удивительным: ведь братец-то ей мил и дорог — как же его не защитить! А второе... второе Мелася считала, должно быть, смешным и ничтожным, та же как, вспоминая об этом, она тотчас краснела и весело смеялась, а может, чуть-чуть и хвастливо...

— Мелася, сестричка моя! Когда ж я-то тебя защищу? — спрашивал иной раз Михайло, разгорячась и оглядываясь — а нет ли где чего-нибудь страшного и трудного, чтоб его уничтожить. — Когда же мне доведется тебя вырывать?

И Михайло ложился спать, должно быть, не раз с потаенной надеждой, что вот опять явится медведь, и ночью не спал, все прислушивался и хватался за ружье, что купил себе, да только и до сих пор, слышать, не дождался он мохнатого незваного гостя.

— О, братец, братец! Не дай бог, чтоб... Да спасет нас мать божья, заступница! — говорит Мелася, когда услышит пыльные речи Михайла, и так всполошится, что даже личико у нее побледнеет.

Ну, вот и конец. Что было потом и будет, не знаю — и что болтать, коль не знаешь сама. Уж простите меня, и до свиданья, и дай боже и вам, и нам, и мне такую сестричку, как Мелася, что могла бы защитить и спасти от любого страшного медведя и нас, и вас, и меня, а то мы иной раз обмираем со страху даже при виде попрыгунчика-зайца, считая его храбрецом: мы ведь... мы люди смирные...

